

Сергей Гладков

**Субъект как процесс
стабилизации опыта**

«Автор»

2026

Гладков С.

Субъект как процесс стабилизации опыта / С. Гладков —
«Автор», 2026

Книга является третьей частью серии «Человек как многоуровневая система» и раскрывает научно-теоретическую сторону общей модели. Ее главный вопрос: как возникает ощущение устойчивого субъекта, если опыт постоянно меняется, распадается, собирается заново и зависит от памяти, тела, языка, внимания, смысла, отношений и внешних опор? В центре книги — субъект как процесс стабилизации опыта. Автор рассматривает, как переживания удерживают связность, почему личная история кажется непрерывной, как незавершенные паттерны возвращаются в повторении и каким образом человек пересобирает себя после разрывов, конфликтов и изменений. Отдельное внимание уделено тому, как внутренние процессы соединяются с внешними структурами: речью, социальными связями, привычками, культурными формами и средой. Книга предлагает строгую концептуальную рамку для разговора о самости, сознании, памяти, идентичности и опыте без сведения человека к неподвижному внутреннему центру.

© Гладков С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	6
Предисловие	7
Глава 1. Проблема фиксированного субъекта	9
1. Исходная интуиция	9
2. Почему фиксированный субъект кажется необходимым	10
3. Противоречивость опыта	11
4. Автоматизм и непрозрачность действия	12
5. Изменчивость и проблема тождества	13
6. Наблюдатель как эффект организации	14
7. Фиксированный субъект как избыточное объяснение	15
8. Итог главы	16
Глава 2. Минимальная модель субъекта	17
1. Переход от сущности к функции	17
2. Что означает «удержание»	19
3. Что означает «согласованность»	20
4. Опыт как предмет стабилизации	21
5. Субъект как процесс, а не объект	22
6. Минимальность модели	23
7. Что модель объясняет на минимальном уровне	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Гладков

Субъект как процесс стабилизации опыта

Гладков Сергей

Субъект как процесс стабилизации опыта

Краткая научно-теоретическая модель

Авторские права

© 2026 Гладков Сергей Васильевич.

Все права защищены.

Эта книга является научно-теоретической работой. Она не является клиническим руководством, медицинской методикой, терапевтическим протоколом, религиозным учением или доказанной метафизической теорией.

Содержание

Содержание

Предисловие

Глава 1. Проблема фиксированного субъекта

Глава 2. Минимальная модель субъекта

Глава 3. Опыт как многоуровневое поле организации

Глава 4. Механизмы стабилизации опыта

Глава 5. Непрерывность: память, язык и смысл

Глава 6. Фрагментация и пересборка

Глава 7. Незавершённые паттерны и повторение

Глава 8. Внешние структуры и распределённость

Глава 9. Сравнительное положение модели

Глава 10. Границы модели и заключение

Литература

Приложение

Предисловие

Эта книга предлагает концептуальную модель субъекта как процесса удержания согласованности опыта. Её задача не в том, чтобы ввести новую сущность, заменить ею старые понятия и объявить проблему субъекта решённой. Напротив, она исходит из предположения, что значительная часть трудностей в описании субъекта возникает именно тогда, когда объяснение преждевременно принимает форму скрытого объекта: внутреннего наблюдателя, устойчивого центра, самождественного Я или иной сущности, которая будто бы стоит за изменчивостью переживания и обеспечивает его единство (Metzinger, 2003; Gallagher, 2000).

Рабочая гипотеза книги состоит в том, что субъект продуктивнее описывать не как вещь, а как процесс. В минимальной формулировке субъект есть процесс удержания согласованности опыта. В более развёрнутой формулировке человек понимается как многоуровневая система стабилизации опыта. Такая постановка не отменяет вопросов о памяти, теле, языке, внимании, личной истории, социальных отношениях и внешних опорах. Напротив, она делает их центральными, поскольку именно через них опыт сохраняет связность, переживаемую непрерывность и возможность самоотнесения без необходимости вводить отдельную управляющую сущность (Damasio, 1999; McAdams, 2001; Menary, 2007).

Книга намеренно ограничивает собственные притязания. Она не предлагает метафизическую теорию субъекта. Она не является нейробиологической теорией сознания. Она не является клиническим протоколом, терапевтической моделью или руководством по психологической практике. Она не является космологической гипотезой и не допускает вненаучного расширения понятий. Её статус уже на входе должен быть определён строго: это научно-теоретическая, концептуальная модель, задача которой состоит в уточнении объяснительного языка и в более дисциплинированном описании того, что обычно слишком быстро переводится либо в онтологию, либо в популярную психологию.

Такое ограничение не является слабостью модели. Оно является условием её научной пригодности. Всякий раз, когда теория субъекта начинает утверждать больше, чем позволяет её собственный объяснительный аппарат, она теряет различие между аналитическим уровнем, рабочей гипотезой и доказанным положением. Поэтому в этой книге последовательно различаются по меньшей мере четыре слоя: ядро модели, её логические следствия, сравнительные утверждения относительно других теорий и положения, которые должны сохранять статус рабочей гипотезы. Если некоторый тезис не выдерживает этого различия, он не усиливает модель, а делает её менее точной.

Предлагаемая книга находится в поле уже существующих исследований и не претендует на изоляцию от них. Вопрос о субъекте давно разрабатывается в философии сознания, когнитивной науке, психологии личности, теориях воплощённого и энактивного познания, нарративной идентичности, модели самости, предиктивной обработки и расширенного ума (Metzinger, 2003; Varela, Thompson, & Rosch, 1991; McAdams, 2001; Friston, 2010; Clark & Chalmers, 1998). Однако присутствие этих исследовательских линий не означает, что достаточно просто собрать их в общий обзор. Книга исходит из другой задачи: не перечислить все возможные подходы, а построить минимальную объяснительную рамку, внутри которой можно строго различить, что именно понимается под субъектом, какая функция ему приписывается и какими средствами поддерживается согласованность опыта.

По этой причине сравнительный анализ в книге играет служебную, но обязательную роль. Он нужен не для того, чтобы объявить предлагаемую модель радикально новой, и не для того, чтобы механически свести её к одному из уже известных подходов. Его задача состоит в научном позиционировании. Если модель близка к анти-субстанциальным теориям самости, это должно быть сказано прямо. Если она расходится с ними, различие также должно быть указано

прямо. Если некоторые положения опираются на исследования памяти, телесности, нарратива, внешних когнитивных опор или активной организации восприятия, эта опора должна быть обозначена через явные ссылки и с сохранением границ применимости источника (Gallagher, 2000; Damasio, 1999; McAdams, 2001; Seth, 2014; Menary, 2007). Литература в этой книге не украшает текст, а ограничивает и дисциплинирует его.

Центральное понятие книги, согласованность опыта, не должно пониматься как скрытая субстанция или как универсальный критерий нормы. Речь идёт не о нормативной полноте, не о внутренней гармонии и не о психологическом благополучии как таковом. Согласованность обозначает минимальную структурную связность, которая позволяет переживанию не распадаться на несоединимые фрагменты, а человеку сохранять возможность различать себя, действовать, помнить, пересматривать значения и удерживать некоторую непрерывность собственной истории. Эта связность может быть устойчивой, хрупкой, частичной, временной, конфликтной и пересобираемой (Gallagher, 2000; McAdams, 2001). Именно поэтому книга уделяет особое внимание не только стабилизации, но и фрагментации, разрыву, повторению и пересборке.

Такой подход требует осторожности в языке. Термины этой книги не должны вести себя как замаскированные сущности. Субъект не является внутренним человеком внутри человека. Непрерывность не является новым именем для души. Внимание не является прожектором скрытого наблюдателя. Внешние структуры не являются мистическим продолжением субъекта. Если используемый термин начинает объяснять слишком много, он должен быть сужен. Если он начинает звучать как новая онтологическая единица, он должен быть возвращён к своей функции в модели. Это правило не является стилистическим; оно относится к самой логике книги.

Отсюда следует и композиционная логика дальнейшего текста. Книга не начинается с догматического провозглашения центральной формулы. Она должна прийти до неё через проблему. Сначала ставится под вопрос интуитивная модель фиксированного субъекта и показываются её объяснительные ограничения. Затем формулируется минимальная модель субъекта как процесса. После этого уточняется, что именно понимается под опытом, какими механизмами поддерживается его согласованность, как возникают непрерывность и фрагментация, каким образом работают повторение и пересборка, и какую роль играют внешние структуры. Только после этого становится методологически оправданным сравнивать модель с близкими теориями и фиксировать её границы.

Таким образом, книга предлагает не завершённую систему и не окончательное решение проблемы субъекта, а дисциплинированную исследовательскую рамку. Её сила, если она вообще у неё есть, должна проявляться не в масштабе обещаний, а в экономии допущений, в ясности терминов и в способности описывать широкий круг явлений без обращения к лишним сущностям. Этим же задаётся и главный критический фильтр всей книги: если некоторую сущность можно убрать, а модель продолжает работать, такую сущность следует убрать.

Глава 1. Проблема фиксированного субъекта

1. Исходная интуиция

Обычное описание человека часто начинается с допущения, которое кажется настолько очевидным, что почти не формулируется явно. Предполагается, что где-то внутри опыта существует устойчивый субъект: тот, кто воспринимает, решает, вспоминает, выбирает, наблюдает собственные мысли и остаётся тем же самым через изменения состояний. Эта интуиция удобна для повседневного языка. Она позволяет говорить: «я подумал», «я решил», «я изменился», «я помню», «я наблюдаю за собой». Однако удобство грамматической формы не является доказательством существования отдельного внутреннего центра.

Научная проблема начинается там, где повседневная грамматика принимается за онтологию. Если в языке есть субъект действия, из этого ещё не следует, что в структуре опыта есть отдельная сущность, которая выполняет роль внутреннего управляющего. Грамматическое «я» может обозначать не вещь, а точку организации высказывания, практическую форму самоотнесения или результат временной стабилизации опыта. Поэтому исходный вопрос не состоит в том, есть ли у человека самость в каком-либо смысле. Вопрос уже: требуется ли для объяснения опыта фиксированный внутренний субъект как особая сущность.

Эта постановка не совпадает с отрицанием субъективности. Напротив, она исходит из того, что субъективность является реальным феноменальным и функциональным полем: есть переживание, внимание, телесное состояние, память, смысл, действие, речь, самописание. Но из наличия этих процессов не следует, что за ними должен стоять неизменный центр. В этом отношении данный подход близок к анти-субстанциальным линиям анализа самости, где самость рассматривается не как самостоятельная вещь, а как сложная структура моделирования, организации или самоотнесения (Metzinger, 2003; Gallagher, 2000).

Проблема фиксированного субъекта состоит в том, что он часто вводится раньше анализа. Вместо того чтобы объяснить, как возникает связность опыта, теория заранее предполагает того, кто эту связность якобы обеспечивает. Вместо того чтобы описать механизмы удержания непрерывности, она помещает внутрь человека устойчивое «я» и затем использует его как объяснение. Но если объясняемое явление уже встроено в объясняющий принцип, модель становится круговой: связность опыта объясняется субъектом, а субъект предполагается потому, что опыт выглядит связным.

2. Почему фиксированный субъект кажется необходимым

Интуиция фиксированного субъекта имеет несколько источников. Первый источник — непрерывность первого лица. Человек не просто переживает отдельные состояния; он переживает их как «мои». Даже когда состояние меняется, сохраняется возможность отнести изменение к себе: «я был раздражён», «я успокоился», «я передумал». Из этого легко сделать вывод, что через изменения проходит один и тот же носитель.

Второй источник — практическая ответственность. Социальная жизнь требует приписывать действия агенту. Человек даёт обещания, несёт последствия решений, отвечает за слова, вступает в отношения и сохраняет биографическую идентичность в правовом, моральном и коммуникативном поле. В этих контекстах понятие устойчивого лица необходимо. Однако практическая необходимость приписывания ответственности не доказывает, что внутри опыта существует неизменный метафизический центр.

Третий источник — ощущение наблюдения за собственными состояниями. Человек способен заметить мысль, оценить эмоцию, подавить импульс, изменить решение, относиться к себе критически. Кажется, что если мысли и эмоции могут быть наблюдаемы, то должен существовать наблюдатель, отделённый от них. Но здесь снова возникает риск преждевременного вывода. Наличие рефлексивной организации опыта не требует отдельного внутреннего наблюдателя. Оно может быть описано как отношение между процессами внимания, памяти, языка, телесной регуляции и самоинтерпретации.

Четвёртый источник — биографическая связность. Человек способен воспринимать разные периоды жизни как принадлежащие одной истории. Он может сказать: «тогда я был другим, но это всё равно моя жизнь». Такая связность создаёт впечатление, что за историей стоит постоянная сущность. Однако связность истории может быть результатом работы памяти, языка и социальных форм, а не проявлением неизменного ядра. Нарративные подходы к идентичности показывают, что личность во многом поддерживается через организацию жизненной истории, но из этого не следует, что нарратив исчерпывает субъекта или что за нарративом обязательно находится отдельная сущность (McAdams, 2001).

Эти источники нельзя просто отбросить. Они указывают на реальные феномены: самоотнесение, ответственность, рефлексивность, биографическую связность. Ошибка возникает не в признании этих феноменов, а в переходе от них к сильному выводу о фиксированном внутреннем субъекте. Более осторожный принцип состоит в следующем: если феномен можно объяснить через процессы организации опыта, не следует вводить дополнительную сущность.

3. Противоречивость опыта

Первое ограничение модели фиксированного субъекта проявляется в противоречивости опыта. Человек редко действует как единый, прозрачный для самого себя центр. Он может одновременно хотеть изменений и сопротивляться им, понимать необходимость решения и избегать его, считать одну ценность важной и действовать в пользу другой. Он может искренне обещать и затем нарушать обещание не из внешнего принуждения, а из внутреннего расхождения мотивов, состояний и способов самоописания.

Если фиксированный субъект понимается как единый источник решений, такая противоречивость становится проблемой. Нужно объяснить, почему единый центр порождает несогласованные действия, почему он не владеет собственными мотивами, почему его решения могут быть пересмотрены под давлением состояний, которые он сам не выбирал. Можно сказать, что субъект слаб, ошибается или недостаточно осознан. Но такие ответы часто лишь переносят проблему: кто именно слаб, кто именно ошибается, почему осознание не совпадает с действием?

Более экономное описание состоит в том, что опыт изначально организован многоуровнево. В нём взаимодействуют телесные состояния, аффективные реакции, привычки, внимание, память, язык, социальные ожидания и текущие задачи. Согласованность не является исходной данностью; она должна поддерживаться. Когда поддержание нарушается, возникают внутренние расхождения. С этой точки зрения противоречивость не является аномалией, которую нужно объяснять падением единого субъекта. Она становится ожидаемым следствием многоуровневой организации опыта.

Такой ход не уничтожает понятие субъекта. Он изменяет его статус. Субъект больше не выступает как готовый владелец всех состояний. Он начинает пониматься как процесс, в котором состояния могут быть частично согласованы, частично разведены, частично не интегрированы. Это позволяет описывать противоречивость без обращения к скрытому центру, который одновременно должен быть единым и почему-то постоянно не совпадает с самим собой.

4. Автоматизм и непрозрачность действия

Второе ограничение модели фиксированного субъекта связано с автоматизмом. Значительная часть человеческого поведения не проходит через явное решение. Человек реагирует до того, как успеет сформулировать намерение. Он распознаёт интонацию, напрягается, избегает, выбирает привычный маршрут, отвечает знакомой фразой, возвращается к повторяющемуся сценарию. Позднее он может дать объяснение своему действию, но это объяснение не всегда является причиной действия. Оно может быть последующей стабилизацией уже совершённого.

Телесные и аффективные подходы к сознанию показывают, что самость и сознательный опыт не могут быть отделены от телесной регуляции, эмоций и фоновых состояний организма (Damasio, 1999). Это важно не как готовая нейробиологическая основа модели, а как ограничение против чисто внутренней и интеллектуализированной картины субъекта. Если действие и самоощущение зависят от телесно-аффективных процессов, то фиксированный рациональный центр не может быть первичным объяснением всей субъективной организации.

Автоматизм не означает отсутствия субъекта. Он означает, что субъект нельзя отождествлять с явным сознательным решением. Если человек действует автоматически, а затем включает действие в историю о себе, мы имеем не простое выражение готового Я, а работу согласования: действие должно быть замечено, названо, оправдано, отвергнуто, пересмотрено или интегрировано. В этом процессе субъект обнаруживается не как источник каждого импульса, а как форма удержания связности между импульсом, действием, памятью и последующим самоописанием.

Модель фиксированного субъекта здесь снова сталкивается с трудностью. Если субъект является внутренним управляющим, почему значительная часть управления происходит без него? Если он является наблюдателем, почему наблюдение часто запаздывает? Если он является источником решения, почему решение может быть реконструировано после действия? Эти вопросы не доказывают, что субъекта нет. Они показывают, что субъект не следует помещать в позицию простого внутреннего командира.

5. Изменчивость и проблема тождества

Третье ограничение связано с изменчивостью. Человек меняется не только внешне и биографически, но и в способах переживать, понимать, помнить и оценивать себя. То, что в одном периоде жизни кажется центральным, позднее может быть пересмотрено. Старые решения могут стать непонятными. Прежние ценности могут утратить силу. Новые отношения, травмы, достижения, утраты, болезни, практики и социальные роли могут перестроить самописание настолько, что возникает вопрос: в каком смысле это тот же субъект?

Модель фиксированного субъекта отвечает на этот вопрос через допущение неизменного носителя. Изменяются свойства, состояния, убеждения, но субъект будто бы остаётся тем же. Однако это объяснение слишком быстро останавливает анализ. Оно не показывает, как именно сохраняется узнаваемость себя через изменение. Оно лишь утверждает, что должен существовать кто-то, кто сохраняется. Тем самым снова вводится сущность там, где требуется описание процессов.

Альтернативный ход состоит в различении неизменности и непрерывности. Непрерывность не требует полного совпадения с прежним состоянием. Она требует связности изменений. Человек может быть другим и всё же сохранять возможность отнести изменения к собственной жизни. Такая связность поддерживается памятью, языком, телесными привычками, социальным признанием, документами, отношениями, местами, практиками и повторяющимися формами самоинтерпретации. В этом смысле проблема тождества переносится из вопроса «что остаётся неизменным?» в вопрос «как поддерживается связность изменений?».

Различение минимальной и нарративной самости помогает увидеть, что субъективность не является однослойной. Существуют разные уровни самоотнесения: дорефлексивное ощущение присутствия, телесная ориентация, агентность, автобиографическая история, социальное имя и роль (Gallagher, 2000). Это различие важно, но оно не принимается как готовая классификация сущностей. Оно используется как указание на то, что субъект должен анализироваться многоуровнево. Разные уровни могут поддерживать друг друга, расходиться или требовать пересборки.

6. Наблюдатель как эффект организации

Одна из наиболее устойчивых форм фиксированного субъекта — идея внутреннего наблюдателя. Она кажется убедительной, потому что человек действительно способен относиться к собственным состояниям как к данным: замечать мысль, различать эмоцию, фиксировать телесную реакцию, комментировать собственное поведение. Но из наблюдаемости состояний не следует существование наблюдателя как отдельного объекта.

Здесь полезен отрицательный ход: мысли обнаруживаются, эмоции обнаруживаются, телесные ощущения обнаруживаются, языковые формулировки обнаруживаются. Но когда предполагаемый наблюдатель сам должен быть найден как отдельная сущность, он не появляется в том же смысле. То, что называлось наблюдателем, оказывается не объектом, а функцией организации: вниманием к состояниям, способностью различения, языковым самоописанием, памятью о собственных изменениях и практикой удержания дистанции к непосредственному импульсу.

Теория модели самости радикально ставит под вопрос представление о самости как субстанциальном объекте и показывает, что переживаемое единство может зависеть от структур моделирования, а не от внутренней сущности (Metzinger, 2003). Предлагаемая модель не сводит субъекта к модели самости, но принимает важное ограничение: нельзя превращать переживаемое ощущение центра в доказательство реального внутреннего центра. То, что опыт организован как принадлежащий кому-то, ещё не доказывает, что этот «кто-то» существует как отдельный наблюдатель внутри опыта.

Если наблюдатель понимается как эффект организации, то меняется сама задача теории. Нужно объяснить не то, где находится наблюдатель, а то, какие процессы создают устойчивость самоотнесения. Почему опыт кажется связанным? Почему некоторые состояния становятся «моими»? Почему человек способен занять дистанцию к импульсу? Почему эта дистанция иногда исчезает? Эти вопросы продуктивнее, чем поиск внутреннего объекта, который должен был бы наблюдать всё остальное.

7. Фиксированный субъект как избыточное объяснение

Фиксированный субъект выполняет в теориях и в повседневном мышлении важную стабилизирующую функцию. Он упрощает описание: есть тот, кто переживает; есть то, что переживается. Есть тот, кто действует; есть действие. Есть тот, кто меняется; есть изменения. Но объяснение становится подозрительным, когда один и тот же принцип должен одновременно быть источником единства, агентом решения, носителем памяти, наблюдателем состояний, гарантом ответственности и основанием личной непрерывности.

Такое расширение делает понятие субъекта слишком сильным. Оно начинает объяснять всё, но именно поэтому перестаёт объяснять точно. Если противоречие объясняется субъектом, автоматизм объясняется субъектом, память объясняется субъектом, разрыв объясняется субъектом и непрерывность объясняется субъектом, то понятие утрачивает различительную силу. Оно становится именем для того, что ещё не было разобрано на процессы.

Научная экономия требует другого хода. Необходимо спросить, какие функции действительно нуждаются в объяснении. Здесь можно выделить по меньшей мере пять таких функций: самоотнесение, связность переживания, временная непрерывность, интеграция действия в историю и возможность рефлексивной дистанции. Ни одна из этих функций не требует заранее принятого фиксированного субъекта. Каждая может быть предварительно описана через процессы стабилизации опыта.

Это не означает, что термин «субъект» должен быть исключён. Напротив, он сохраняется, но меняет статус. Он больше не обозначает скрытого владельца опыта. Он обозначает проблему организации: каким образом опыт удерживается достаточно согласованным, чтобы возникали самоотнесение, действие, память и непрерывность. Такой сдвиг подготавливает минимальную формулу: субъект — процесс удержания согласованности опыта.

8. Итог главы

Модель фиксированного субъекта недостаточна не потому, что субъективность иллюзорна или неважна. Она недостаточна потому, что слишком рано превращает сложную организацию опыта в простую внутреннюю сущность. Она принимает за исходное то, что требует объяснения: связность, наблюдение, агентность, непрерывность и самоотнесение.

Выделенные ограничения показывают, почему модель фиксированного субъекта оказывается недостаточной. Противоречивость показывает, что опыт не действует как полностью единый центр. Автоматизм показывает, что сознательное решение не является источником всей организации поведения. Изменчивость показывает, что тождество нельзя свести к неизменности. Анализ наблюдателя показывает, что рефлексивная дистанция не требует отдельной внутренней сущности. Вместе эти ограничения позволяют перейти от вопроса «где находится субъект?» к вопросу «как удерживается согласованность опыта?».

Из этого перехода следует минимальная модель. Если фиксированный субъект оказывается избыточным объяснением, то субъект должен быть описан иначе: не как вещь, не как скрытый центр и не как метафизический носитель, а как процесс удержания согласованности опыта.

Глава 2. Минимальная модель субъекта

1. Переход от сущности к функции

Если фиксированный субъект оказывается избыточным объяснением, это не означает, что понятие субъекта должно быть устранено. Устранить нужно не само понятие, а его субстанциальное истолкование. Субъект не обязан мыслиться как внутренний предмет, скрытый наблюдатель или неизменный носитель переживаний. Его можно определить функционально: через ту работу, без которой опыт не удерживался бы как связный, относимый к себе и способный продолжаться через изменения.

Минимальная формула такова: субъект — процесс удержания согласованности опыта. В этой формуле нет утверждения о новой сущности. Она не говорит, что внутри опыта существует особый объект, называемый субъектом. Она говорит, что ряд процессов должен каким-то образом удерживать опыт в состоянии достаточной связности: чтобы переживания различались, действия могли быть включены в историю, память соотносилась с настоящим, а изменения не превращались в полное распадение самоотнесения.

Функциональное определение меняет направление анализа. Вместо вопроса «что является субъектом?» возникает вопрос «какая организация опыта выполняет субъектную функцию?». Такой сдвиг позволяет сохранить реальность субъективности, не вводя внутренний центр как отдельное объяснительное начало. Субъективность остаётся предметом анализа, но её единство больше не принимается как исходная данность. Оно становится тем, что должно быть объяснено.

Эта позиция находится рядом с анти-субстанциальными подходами к самости, но не совпадает с ними полностью. Теория модели самости показывает, что переживание себя не требует субстанциального Я и может быть связано со структурами моделирования (Metzinger, 2003). Однако минимальная модель субъекта не сводит субъекта только к модели самости. Модель самости объясняет важный аспект самоорганизации, но удержание согласованности опыта включает также внимание, память, телесные состояния, язык, смысл, действие и внешние опоры.

Схема 1. Общая модель стабилизации опыта

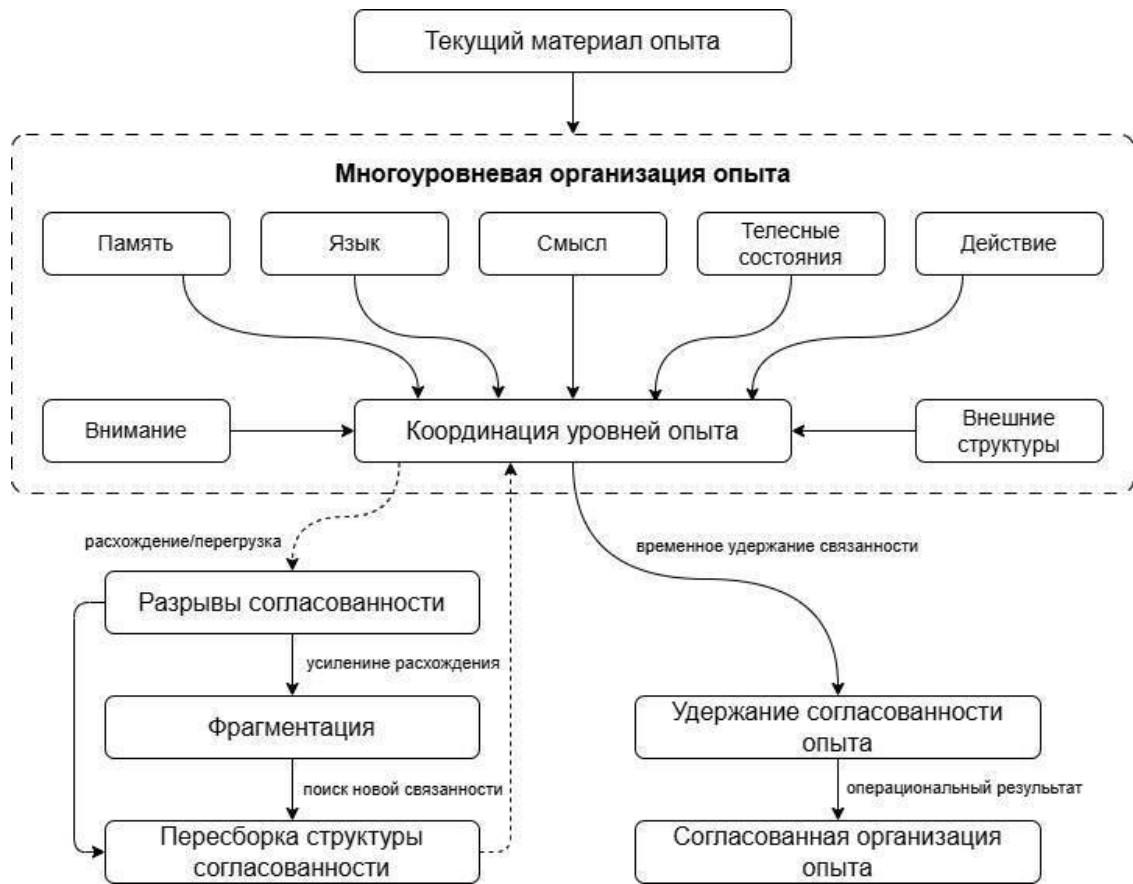

Схема фиксирует субъект как процесс удержания согласованности многоуровневого опыта и показывает основные линии стабилизации, разрыва и возможной пересборки.

2. Что означает «удержание»

Слово «удержание» не должно пониматься как жёсткая фиксация. Удерживать опыт не значит останавливать изменения, подавлять расхождения или сохранять одну и ту же форму самоописания любой ценой. Удержание означает поддержание минимальной связности, при которой разные элементы опыта могут оставаться соотнесёнными: ощущение с действием, действие с мотивом, мотив с памятью, память с историей, история с возможностью дальнейшего изменения.

Такое удержание может быть устойчивым, частичным, конфликтным или временным. Человек может сохранять самоотнесение даже в состоянии внутреннего расхождения. Он может не понимать собственных мотивов и всё же пытаться связать их в объяснимую последовательность. Он может переживать кризис идентичности и при этом продолжать удерживать вопрос «что со мной происходит?» как форму минимальной связности. Поэтому субъектная функция не требует полной гармонии опыта. Она требует только того уровня согласованности, при котором опыт ещё может быть организован, пересмотрен и продолжен.

Удержание также не является чисто сознательным актом. Значительная часть этой работы происходит до явной рефлексии или вне неё. Телесная ориентация, аффективный фон, привычки внимания, имплицитная память и социальные ожидания уже структурируют то, что затем может быть названо «моим» опытом. Телесные подходы к сознанию показывают, что переживание себя связано не только с мышлением, но и с регуляцией организма, эмоцией и чувством происходящего (Damasio, 1999). Для минимальной модели это означает, что субъект нельзя отождествлять с сознательным комментарием к опыту.

Удержание не является и простым сохранением прошлого. Оно включает отбор, реконструкцию и перераспределение значимости. Память не просто поставляет материал для тождества; она участвует в том, как прошлое становится частью настоящего. Язык не просто описывает уже готовый опыт; он помогает различать и связывать его. Смысл не просто добавляется к событиям; он определяет, какие события входят в структуру жизни как значимые. Поэтому удержание согласованности всегда является динамическим процессом.

3. Что означает «согласованность»

Согласованность опыта не равна внутреннему единству без противоречий. Если понимать согласованность как полную непротиворечивость, модель сразу станет неправдоподобной: человеческий опыт почти всегда содержит расхождения между желанием, действием, самописанием, телесной реакцией и социальной ролью. Согласованность означает не отсутствие расхождений, а возможность их связи в некоторой структуре.

Минимальная согласованность существует там, где элементы опыта не распадаются на полностью несоединимые фрагменты. Человек может сказать: «я не понимаю, почему так реагирую», и уже эта фраза удерживает связь между реакцией, вопросом, памятью и попыткой самоописания. Он может признать противоречие: «я хочу этого и одновременно боюсь». Такое признание не устраняет расхождение, но делает его частью организуемого опыта.

Согласованность имеет несколько уровней. На телесном уровне она проявляется в ориентации, напряжении, готовности к действию, чувстве присутствия. На аффективном уровне — в устойчивых эмоциональных оценках. На когнитивном уровне — в ожиданиях, различениях и объяснениях. На нарративном уровне — в способности включать события в историю. На социальном уровне — в признании, роли, имени, ответственности и коммуникации. Различение минимальной и нарративной самости показывает, что субъективность не исчерпывается одним уровнем самоописания (Gallagher, 2000).

Эти уровни могут не совпадать. Человек может языком утверждать одно, телесно реагировать иначе, памятью возвращаться к третьему, а социально выполнять четвёртую роль. Поэтому согласованность не следует понимать как заранее заданный порядок. Она является задачей организации. Субъектная функция состоит не в том, чтобы устранить все расхождения, а в том, чтобы удерживать их в форме, доступной для дальнейшего различения, действия и пересборки.

4. Опыт как предмет стабилизации

Минимальная модель субъекта невозможна без уточнения того, что именно стабилизируется. Стабилизируется не «сознание» в узком смысле и не только поток мыслей. Стабилизируется опыт как многоуровневое поле: телесные ощущения, эмоции, восприятия, память, ожидания, действия, язык, социальные отношения, следы прошлого и внешние опоры. Если ограничить опыт только сознательным содержанием, субъект снова будет ошибочно помещён в область внутреннего наблюдения.

Опыт не является пассивным материалом, который затем получает форму от готового субъекта. Скорее, субъектная функция возникает внутри самой организации опыта. Переживание становится «моим» не потому, что его присвоил внутренний владелец, а потому, что оно включено в систему связей: с телом, памятью, вниманием, языком, действием и историей. Именно эти связи позволяют отличать просто происходящее от происходящего со мной.

Такое понимание сближает минимальную модель с линиями воплощённого и энактивного познания, где познание не отделяется от тела, действия и среды (Varela, Thompson, & Rosch, 1991). Однако здесь важно не перенести целиком другую теоретическую рамку, а зафиксировать принципиальное ограничение: субъект не должен описываться как изолированная внутренняя точка. Его функция распределена по процессам организации опыта, часть которых телесна, часть языкова, часть социальна, часть связана с внешними структурами.

Отсюда следует, что субъект нельзя искать в одном месте. Он не совпадает только с мозгом, только с нарративом, только с телом, только с языком или только с моделью самости. Каждый из этих уровней может участвовать в удержании согласованности, но ни один из них не исчерпывает субъектную функцию. Минимальная модель остаётся минимальной именно потому, что не превращает один механизм в полную сущность субъекта.

5. Субъект как процесс, а не объект

Процессуальное понимание субъекта требует осторожности: слово «процесс» также может незаметно стать новым именем для сущности. Чтобы этого не произошло, процесс должен пониматься операционально. Он не существует отдельно от тех операций, через которые опыт удерживается связанным. Нет субъекта сверх внимания, памяти, телесной ориентации, языка, действия и самоотнесения. Но есть определённая организация этих процессов, благодаря которой возникает субъектная функция.

Процесс отличается от объекта тем, что не сохраняется как готовая вещь через изменения. Он поддерживается, нарушается, возобновляется, ослабляется, усиливается и пересобирается. Музыкальное исполнение существует только пока оно исполняется; разговор существует только пока поддерживается обмен; равновесие существует только пока система компенсирует отклонения. Подобным образом субъект существует не как вещь за опытом, а как поддерживаемая организация опыта.

Такой пример не является доказательством, но помогает уточнить тип объяснения. Если субъект процессуален, то вопрос о его тождестве не решается поиском неизменного ядра. Он решается через анализ способов продолжения. Что позволяет человеку узнавать себя через изменения? Что связывает прошлое и настоящее? Что делает действие частью собственной истории? Что позволяет различить импульс, принять его или отвергнуть? Эти вопросы указывают на процессы стабилизации, а не на скрытого владельца.

Процессуальное понимание также допускает слабые, нарушенные и конфликтные формы субъектности. Если субъект был бы фиксированной сущностью, то фрагментация выглядела бы как выпадение из субъектности или поломка центра. Если субъект является процессом удержания согласованности, то фрагментация становится изменением режима организации. Субъектная функция может ослабевать, сужаться, опираться на внешние структуры, требовать восстановления связей или переходить к пересборке.

6. Минимальность модели

Модель называется минимальной потому, что она не добавляет объяснительных элементов сверх необходимых. Она не утверждает скрытого наблюдателя, неизменное Я, особую внутреннюю субстанцию или метафизический носитель опыта. Она сохраняет только функцию, которую нужно объяснить: удержание согласованности опыта. Всё остальное должно вводиться только тогда, когда без него нельзя описать конкретный механизм.

Минимальность не означает бедность описания. Напротив, она открывает пространство для более точного анализа. Когда фиксированный центр убран, становится виднее, какие процессы действительно работают: внимание распределяет значимость, память связывает настоящее с прошлым, язык оформляет различия, тело задаёт фон присутствия и действия, социальные отношения поддерживают признание, внешние структуры помогают удерживать следы и обязательства. Эти процессы не обязаны сводиться к одному центру, чтобы вместе выполнять субъектную функцию.

Минимальность также защищает модель от чрезмерных утверждений. Из того, что субъект понимается как процесс удержания согласованности опыта, не следует готовая нейробиологическая теория. Не следует клинический протокол. Не следует теория физического времени. Не следует метафизика бессмертной самости. Формула задаёт рамку анализа, а не завершённую систему объяснений.

Этот принцип согласуется с критикой субстанциального понимания самости, но сохраняет собственный фокус. Теория модели самости делает акцент на структурах моделирования (Metzinger, 2003). Различение уровней самости подчёркивает неоднородность субъективности (Gallagher, 2000). Воплощённое и энактивное познание указывают на связь познания с телом, действием и средой (Varela, Thompson, & Rosch, 1991). Минимальная модель субъекта использует эти линии как ограничения и контексты, но формулирует собственный центр тяжести: согласованность опыта.

7. Что модель объясняет на минимальном уровне

На минимальном уровне модель объясняет, почему субъект не должен мыслиться как вещь, но при этом не исчезает как проблема. Если есть опыт, который переживается как принадлежащий кому-то, нужно объяснить форму этой принадлежности. Если есть действия, которые включаются в собственную историю, нужно объяснить связь действия и самоотнесения. Если есть изменения, через которые сохраняется узнаваемость себя, нужно объяснить непрерывность без неизменного ядра.

Модель также объясняет, почему субъектность может быть частичной и неоднородной. Не все элементы опыта одинаково интегрированы. Одни состояния легко включаются в самописание, другие переживаются как чуждые, третьи остаются неясными, четвёртые возвращаются как повторяющаяся задача. Если субъект — не готовая сущность, а процесс удержания согласованности, такая неоднородность становится не исключением, а частью предмета.

Кроме того, модель объясняет, почему внешние и социальные формы не являются второстепенными. Если опыт удерживается через систему связей, то записи, разговоры, документы, роли, практики, места и устойчивые отношения могут участвовать в стабилизации. Они не становятся самостоятельным субъектом и не отменяют телесных границ человека. Но они могут поддерживать процессы памяти, внимания, обязательства и самописания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.